

Л. В. АРНОЛЬДОВ

<«...Что-то было обреченнное в четких линиях его лица...»>

Капитан Петров пришел в этот вечер в купе, которое едва освещалось единственной свечой, коптившей в фонарь сверху, и нервно рассказал, со слов встреченного им офицера из Омска, что адмирал простудился потому, что ездил по казармам в легонькой солдатской шинели и когда ему сказали, чтобы он одевался теплее, то он резко оборвал:

— Пока наши солдаты ходят раздетыми, я о себе заботиться не имею права.

Это были первые живые слова адмирала, которые я воспринял еще не видя его, но уже находясь в непосредственной от него близости, у него на службе. <...>

И вот в эти самые ответственные дни, я получаю большой пакет за пятью красными сургучными печатями, с печатной надписью внизу: «Главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров».

В конверте ряд бумаг, скрепленных зажимом, некий французский текст, и через всю первую страницу написано синим карандашом крупным почерком три слова: «Что за вздор!» А сбоку я рассмотрел карандашную приписку знакомым мне почерком профессора Тельберга: «Затребовать от Л. В. Арнольдова срочных разъяснений».

Мне не стоило большого труда угадать сразу по первым строкам текста, что в бумаге содержался перевод той самой телеграммы Сергея Ауслендера, где он излагал речь адмирала Колчака в Челябинске по земельному вопросу. Адмирал говорил об укреплении и развитии мелкой земельной собственности за счет крупного землевладения. В бумаге же все эти мысли, якобы посланной мною в Париж телеграммы, были тонко и подло искажены.

Я тотчас вызвал к себе в кабинет А. В. Тимирёву, которая как раз в дни февральской поездки адмирала на фронт ведала нашей канцеля-

рией, и когда она вошла, протянул ей бумагу. Она взглянула на надпись синим карандашом через всю страницу и, внезапно пошатнувшись, схватилась свободной рукой за край стола.

— Что с вами, вам нехорошо? — спросил я, удивленный. Она ответила изменившимся голосом:

— Его рука!..

Тогда только я понял, что слова синим карандашом написаны адмиралом и тут же осознал всю глубину преданности этой женщины. Глазами, сердцем она мгновенно угадала, что, делая эту надпись, Адмирал был взволнован, взбешен, и сама разволновалась его волнением. Конечно, тут не было никакого страха перед ним или, тем более, опасений за свою судьбу. У нас А. В. Тимирёва работала во всяком случае не из-за денег. Те же чувства испытал бы, по-моему, молодой фашист, если бы сейчас в Италии, где все влюблены в Муссолини, узнал бы, что своим поступком мог рассердить, раздосадовать, взволновать Дуче¹. <...>

Когда Адмирал появился, точно в назначенный час, весь зал поднялся сразу, общим порывом, и дирижер взмахнул палочкой. Полились величавые звуки «Коль славен», а потом был исполнен британский гимн. Позади адмирала сидел генерал Альфред Нокс и полковник Уорд. <...>

Адмирал был худ и бледен, он казался утомленным, что-то было обреченнное в четких линиях его лица, в его выразительном профиле. Он явно делал над собою усилие, когда надо было вставать, кланяться, отвечать на приветствия. <...>

С тротуара до автомобиля было не больше десяти шагов, но Верховный правитель ехал без всякой охраны. Какой другой диктатор, в зените своих успехов, в разгар беспощадной войны, при этом войны гражданской, когда по внешности нельзя отличить друга от недруга, а каждый недруг есть заклятый враг, какой другой диктатор рискнул бы совершить такую прогулку по улицам, переполненным в праздничный день толпой, в городе, где советские агенты кишкали и скрытых недоброжелателей было не перечесть. <...>

Не только в этот день, но и долго потом я находился под впечатлением этой случайной, но так пронзившей мое сознание встречи. <...>

Верховного правителя встретили почетным караулом — кажется, это была часть из личного конвоя, подтянутые, молодцеватые интеллигентного вида солдаты. Адмирал быстро прошел к трибуне, сел за стол, крытый зеленым сукном, и объявил заседание открытым. Я в первый и последний раз видел его в этот день говорящим публично. Кажется, он не читал своей речи, во всяком случае голова его не была наклонена к бумаге. Он говорил глухим, энергичным, немного осевшим поморскому голосом и четко, ясно строил и округлял фразы. <...>

Мне был устроен прием у адмирала Колчака.

— Только на пять минут. Верховный очень занят, — сказал генерал Мартынов.

Я волновался страшно. Рука адмирала при рукопожатии была сухой и горячей. Он явно был озабочен и настроен нервно; я быстро доложил, что полагал бы необходимым присоединить свое скромное мнение к тем, кто настаивает, чтобы загодя осуществить до зимы перевод правительенных учреждений в Иркутск и что, прежде чем начать эту эвакуацию, необходимо подготовить к ней общественное мнение Соединенных Штатов. Адмирал ответил категорически и безапелляционно:

— Российское правительство зачалось в Омске, и в Омске, если суждено, оно погибнет.

